

ВОСКИИ

ВЪ И ТЯЖЖИИ КРЕСТ

Итак, 18 июля 1972 года. Мы с женой приглашены на вернисаж княгини Ирины Борисовны Голицыной, которая руководит Домом высокой моды в Риме. (Мне довелось написать о ней в "Неделе", и это была первая в советской печати публикация с упоминанием имени талантливой женщины, сумевшей утвердить свое имя среди лучших модельеров Запада). По окончании представления мод осенне-зимнего сезона Ирина Борисовна пригласила нас на прием к себе домой. Жила она на Тринита дей Монти, на самом верху знаменитой лестницы площади Испании. Пришедшие на раут прекрасно знали друг друга. А мы с женой чувствовали себя слегка посторонними. Я, было, начал изучать книгу об истории царской охоты при царе Алексее Михайловиче, но княгиня вспомнила о нас и пригласила пройти за собой.

— Я познакомлю вас с одной особой. Думаю, как журналисту, вам это будет интересно.

Она открыла дверь в широченную комнату, почти пустую. Здесь на диванчике сидела дама в элегантной брючной паре и потягивала виски.

— Таня, познакомьтесь. Это корреспондент "Известий".

Дама бросила на меня взгляд, отнюдь не исполненный симпатий.

Ирина Борисовна поспешила добавить:

— Но это вполне культурный человек.

Княгиня удалилась,

не сообщив, с кем мне предстоит познакомиться. А дама сразу же бросилась в атаку:

— Ну, вы, культурный человек. Что вы думаете о Бродском?

— Вы говорите о том Бродском, который писал Ленина?

— О чем вы говорите? — возмутилась дама. — Ваш Ленин растоптал живопись, я говорю о поэте, которого вы выслали, о самом талантливом вашем поэте.

— Простите, с кем я имею честь...

— Яковлева, если вам это что-то говорит.

Это был своеобразный тест на "культурность".

— Не из той ли ветви, к которой принадлежал Яковлев, известный по наполеоновской эпохе? И не родственница ли вы Герцена?

Яковлева переваривала ответы, слегка снизив тон. Но тут в бой пошла моя жена Роза.

— Странно, что вы так настроены против Ленина. Я бы поняла, если бы вы говорили о Сталине.

— Но Сталин Володю понимал.

И тут замысел Голицыной (вот ведь тонкая женщина) стал ясен.

— Так вы та самая Татьяна Яковлева, невеста Маяковского? — выпалил я.

— Откуда это вам может быть известно?

— Не так давно "Огонек" посвятил вам большую статью.

— Вот как? А я смогу ее увидеть?

Я пообещал. Позиции уравнились. Теперь уже Яковлева была заинтригована. Но упорствовала.

— Большевики ничего обо мне не могут знать. А записи, которые Володя мне оставил, я им не отдам.

Впору было переходить в контратаку.

— Во-первых, большевики, как вы их называете, опубликовали кое-что из блокнотов Маяковского, например, стихотворение, посвященное вам. Если не ошибаюсь, там говорится:

Вы и нам

в Москве нужны,

не хватает

длинноногих.

Впервые за время беседы Яковлева развеселилась. И в подтверждение того, что имел ввиду Маяковский, приподняв брючину, обнажила точеную, просто идеальную ножку. Роза пыталась выяснить, как это ей удалось так сохранить ноги, и нет ли здесь каких-то женских секретов.

— Нет, милочка, тут все просто — либо у тебя это есть, либо нет.

— А еще раньше, — продолжил я разговор, — было опубликовано "Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви". Это ведь тоже о вас. Хотел бы заметить, что и сам Маяковский вроде был большевиком.

Яковлева слегка смутилась, видимо, вспомнив, что даже в посвященном ей стихотворении Маяковский говорил:

*В поцелуе рук ли,
губ ли,*

*в дрожи тела
близких мне*

*красный
цвет*

*тоже
должен*

пламенеть.

Да еще грозил:

*Я взнуздаю,
я смирю*

*Чувства
отпрысков дворянских.*

— Да, коммунизмом у него была полна голова. Но я думала, что потом это пройдет.

— У вас все было серьезно?

И уже миролюбиво, без всякой аффектации Яковлева сказала:

— Да, мы любили друг друга и собирались обвенчаться. Для этого он должен был приехать за мной в Париж. Нам предстояло прибыть в Москву, чтобы зарегистрировать брак.

— Что же помешало этому?

— На этот раз его не пустили во Францию. Говорят, эта ужасная женщина...

— Брик?

— Она написала какую-то бумагу, что он неблагонадежен и его нельзя выпускать.

Позже, в Париже, где я работал корреспондентом "Литературной газеты", вместе с писателем Валентином Петровичем Катаевым мы смотрели французский фильм о Маяковском. Он был построен главным образом на интервью с Лилей Юрьевной Брик, в котором она рассказывала, сколь многим ей обязан Маяковский, и насколько она способствовала развитию его таланта. Мрачноватый Катаев желчно заметил:

— Можно подумать, без нее Маяковский не состоялся бы.

Я рассказал писателю о встрече с Яковлевой, о ее мнении относительно роли Брик в этой истории.

— Да, так и было. Брик была близка с одним влиятельным чином ОГПУ — НКВД, и вместе они сочинили то, что на современном языке именуется "телегой". И Маяковского тогда не выпустили. Ну, и другие интриги были...